

Кладбище иноземцев в Марьиной Роще

А.Г. Авдеев, В.Ю. Пирогов

Страницы истории

Надгробия московских иноземцев — одна из тем, входивших в круг научных интересов Д.А. Дрбоглава.

Кладбище иноземцев в Марьиной роще — один из самых загадочных московских некрополей. Одним из первых на его существование указал некий Л.С., чья заметка об этом кладбище появилась в «Вестнике Европы» в 1830 г.¹ Он же привел тексты четырех эпитафий², а о времени возникновения некрополя написал прямо: «не знаю; не знаю и того, когда и по какому случаю прежним кладбищем иноверцев овладел веселый Семик москвичей православных»³. Более обширный список эпитафий, правда, скопированных со значительным количеством ошибок, дал известный знаток московских древностей К.Я. Тромонин в 1845 г.⁴ К сожалению, он опубликовал только часть имеющихся у него копий, остальные материалы остались в его архиве, местонахождение которого ныне неизвестно.

В 1876 г. пастор А.В. Фехнер определенно высказался о времени возникновения кладбища у Марьиной рощи, связав его с изданным 2 июля 1748 г. указом императрицы Елизаветы Петровны о ликвидации некрополей иноземцев в Новой Немецкой слободе⁵. Эту гипотезу он подкрепил ссылкой на запись в списке умерших при кирхе св. архангела Михаила, где значилась некая старая вдова Бернхардс, умершая 13 октября 1748 г. и погребенная первой на новом кладбище в Марьиной роще (*diese ist die erste, die auf den Neuen Kirchhoff bei Marien Busch begraben worden*)⁶.

В 1890 г. это мнение поддержал Д. Цветаев⁷. Эта точка зрения получила признание⁸, хотя и разделялась далеко не всеми. Так, В. Остроухов полагал, что кладбище возникло в 1657 г. в связи с указом царя Алексея Михайловича о запрете погребения умерших от чумы в Москве⁹. «Кладбище было устроено для рейтаров царя Алексея

© А.Г. Авдеев, В.Ю. Пирогов

Михайловича, — отмечал он. — Затем здесь же хоронили поселенных Петром I в Сокольниках пленных шведов и сравнительно бедных берсерменов. Позже стали погребать знатных особ из иностранцев»¹⁰. А.Т. Саладин — наверное, последний из исследователей московских некрополей, кто видел кладбище в Марьиной роще до его уничтожения, — основываясь на отмеченных в эпитафиях датах, определил, что первые захоронения на нем были совершены во второй половине XVII — начале XVIII в.¹¹

Итак, первая «загадка» кладбища — время его появления. Предложенный А.В. Фехнером 1748 г. — дата, обладающая солидной аргументацией, но, во-первых, относящаяся не только и не столько к кладбищу иноземцев в Ново-Немецкой слободе, а, во-вторых, противоречащая датам, имеющимся на надгробиях. В 1748 г. под действие указа попали храмы с погостами на пути от Кремля до царского дворца на Яузе, в том числе — на улицах Ильинке, Никольской, Покровке, Басманной. Для новых захоронений было отведено место за Мещанской слободой близ Марьиной рощи, преобразованное в кладбище указом Сената в 1753 г. По церкви оно было названо Лазаревским¹². Древнейшая же из сохранившихся эпитафий на кладбище иноземцев в Марьиной роще датируется 1655 г.

¹ Л.С. О надписях на гробовых камнях в Марьиной роще // Вестник Европы. 1830. Декабрь. № 23–24. С. 220–228.

² Тексты всех опубликованных эпитафий приведены в приложении I к статье.

³ Л.С. О надписях... С. 228.

⁴ Достопамятности Москвы. Изд. К. Тромонин. М., 1845. С. 83. Приб. 23.

⁵ ПСЗ. Т. XII. № 9512; *Fechner A.W.* Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau. Bd. II. М., 1876. S. 679–680.

⁶ *Fechner A.W.* Chronik... S. 680–681.

⁷ *Цветаев Д.* 1890. Протестантство и протестантизм в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 119.

⁸ *Саитов В.И.* Московский некрополь. Т. I. СПб., 1907. С. IX; Сорок сороков. Т. 3. Москва в границах 1917 г. Сост. П. Паламарчук. М., 1995. С. 205.

⁹ *Остроухов В.* Московское Лазарево кладбище. Историческое исследование, составленное на основании имеющихся в кладбищенской церкви разных документов. М., 1893. С. 6.

¹⁰ *Остроухов В.* Московское... С. 6–7. Прим 2.

¹¹ *Саладин А.Т.* Очерки истории московских кладбищ. М., 1997. С. 23.

¹² *Остроухов В.* Московское... С. 205–206.

Для того чтобы разрешить эту проблему, обратимся к источникам. Андрей Роде, посетивший Москву вместе с датским посольством в 1659 г., дважды был в Марьиной роше, оставив бесценные для нашей темы свидетельства: «Чтобы отпраздновать первый день мая, все живущие здесь англичане, согласно установившемуся у них обычаю, поехали сегодня в Марьину рошу (которая, говорят, весьма красива), несмотря на то, что погода стояла дождливая и что роша еще не покрылась зеленью»; «13 мая явился к нам <...> г-н полковник [Бауман]. Он был в очень хорошем настроении и пригласил г-на посланника с его свитой на послезавтра в Марьину рошу. Его приглашение было принято, и мы пообещали ему приехать туда»¹³. Голландский посланник Н. Витсен, посетивший Москву в 1665 г., также побывал в Марьиной роше, отметив по поводу этой местности: «Марьиная роша — владение князя Якова (Черкасского), которая служит немцам увеселительным парком, там есть беседки, стоят столы и скамьи из глины»¹⁴. Итак, это свидетельство вполне определенно указывает, что Марьиная роша в 50–60-е гг. XVII в. использовалась иностранцами отнюдь не под кладбище, а в качестве своего рода «парка культуры и отдыха». Возможно, сюда корнями уходит и московский обычай праздновать Семик именно в Марьиной роше.

Не исключено, что в первые десятилетия XVIII в. в Марьиной роше, вероятно, появились первые захоронения. Косвенное подтверждение этому имеется в книге митрополита Евгения (Болховитинова) «Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России», изданной в 1845 г. В статье о Генрихе Келлермане, начавшем по заданию Петра I перевод Библии с древнееврейского на русский язык, о. Евгений, между прочим, отмечает, что тот «умер в Москве в 1715 г. и похоронен на старом лютеранском кладбище в Москве. Г.-Ф. Миллер в последней четверти XVIII в. ви-

¹³ *Роде А.* Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 г. // Утверждение династии. М., 1997. С. С. 32, 36.

¹⁴ *Витсен Н.* Путешествие в Московию 1664–1665. Дневник. Пер. со староголланд. В.Г. Трисман. СПб., 1996. С. 150–151.

¹⁵ *Евгений*, митр. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. С. 281.

дел его надгробие»¹⁵. Между тем, и в начале XX в. могила Генриха Келлермана находилась на кладбище в Марьиной роще, которое нередко именовалось «старым лютеранским кладбищем»¹⁶. Но это название возникло не раньше 1771 г., чтобы отличить *старое* лютеранское кладбище в Марьиной роще от *нового* лютеранского кладбища на Введенских горах. Впрочем, и Г.-Ф. Миллер не мог видеть могилы Г. Келлермана у кирхи св. Михаила архангела, так как этот некрополь к приезду его в Москву уже не существовал. Иногда — по близости расположения — кладбище в Марьиной роще путали с Лазаревским. Так, в литературе встречаются указания на то, что известный путешественник по странам Востока и ювелир Ж.-Б. Тавернье, умерший в Москве в 1689 г., был похоронен «на Лазаревском кладбище»¹⁷.

О том же, когда кладбище в Марьиной роще прекратило существование, точных сведений нет — и это вторая «загадка» кладбища. А.В. Фехнер считал, что захоронения здесь прекратились после издания указа Петра III от 13 июня 1762 г., разрешившего «Католическое, Лютерское и Реформатское в Москве в Немецкой слободе кладбищи в прежних при церквях их имеющих местах строить, и мертвых тех законов людей на тех кладбищах погребать дозволить»¹⁸. П. Паламарчук же полагал, что захоронения в Марьиной роще прекратились после образования Иноземного кладбища на Введенских горах в 1771 г.¹⁹ Эта точка зрения более предпочтительна: из сохранившихся дат на надгробиях ни одно не выходит за первую половину 70-х гг. XVIII в.

Хотя кладбище в Марьиной роще просуществовало недолго, — какие-то три десятилетия, — его территория оставалась незастроенной вплоть до 20-х гг. XX в. Так, на трехверстном Плана выгонных земель г. Москвы середины XIX в. (так называемом плане Н. Белоусова) за Лазаревским православным кладбищем виден небольшой прямоугольник с надписью «Немецкое кладбище» (рис. 1).

Видимо, в конце XVIII или начале XIX в. тенистая роща с бесхозными могилами превратилась в одно из излюбленных мест гуля-

¹⁶ Во всяком случае, так его именует А.Т. Саладин (*Саладин А.Т. Очерки.*, С. 23).

¹⁷ Французские первопоселенцы в Москве и некоторые потомки. М., 2005. С. 20.

¹⁸ ПСЗ. Т. XV. № 11568; *Fechner A.W. Chronik...* S. 681.

¹⁹ Сорок сороков... С. 205.

ний православных москвичей. «Эта роша, — писал о ней в 40-е годы XIX в. М.Н. Загоскин, — отделяется от другой, не очень обширной, которая примыкает к Лазареву кладбищу широким и продолговатым лугом. На нем бывает в семик одно из лучших годовых московских гуляний... В большой роше гуляющих было немного... Одни пили чай на каменных могильных плитах, из которых многие совсем уже вросли в землю; другие курили трубки и беседовали за бутылкой кроновского пива»²⁰. Эту ситуацию иллюстрирует картина середины XIX в., где на фоне надгробий и крестов веселится толпа москвичей (рис. 2–3).

В 1847 г. пастор А.В. Фехнер в качестве члена объединенной комиссии приходов храмов св. архангела Михаила и свв. Апостолов Петра и Павла принял участие в осмотре состояния территории бывшего кладбища. Оно оказалось безрадостным. Кладбищенская территория представляла заброшенный пустырь с лежащими на нем белокаменными надгробиями, поросшими мхом и вросшими в землю. «Чувство горечи вызвал этот вид у членов комиссии, — писал в 1876 г. А.В. Фехнер, — ведь там лежал прах их единоверцев, служивших русскому правительству, но захороненным как самоубийцы в поле. Кладбище не было защищено никакой оградой. На каменных плитах прорезаны глубокие колеи от проезжавших телег. Другие плиты были нарочно изувечены. На третьих имена стертые, видимо, родственниками похороненных здесь, дабы они не видели такого позора»²¹.

Комиссия постановила ликвидировать этот беспорядок. Так как территория бывшего некрополя находилась в составе владений графа Шереметева, ее требовалось выкупить. Во вторую очередь предполагалось оградить территорию кладбища небольшим земляным валом и рвом. Белокаменные надгробия, лежащие в беспорядке, должны были быть откопаны и установлены на трех участках внутри новых границ. В создаваемой таким образом мемориальной зоне предполагалось установить поясняющие таблички с историей кладбища, предназначенные для посетителей (рис. 4). Этот план, по-видимому, полностью реализовать не удалось.

²⁰ Загоскин М.Н. Москва и москвичи // Очерки московской жизни. М., 1962. С. 216.

²¹ Fehner A.W. Chronik... S. 682.

Местоположение кладбища

Третьей, правда, достаточно легко разрешимой «загадкой» кладбища было его точное местоположение и судьба в советское время.

А.Т. Саладин был, пожалуй, единственным исследователем, кто дал точную привязку кладбища к улицам по состоянию на начало XX в. — «за Лазаревским кладбищем, в Марьиной слободке, там, где 2-я улица пересекается 2-м правым проездом»²².

Это подтверждает и план пригородов Москвы, составленный Статистическим отделом Московской Городской Управы в 1911 г. Марьиная роща на этом плане разделена на сетку пронумерованных кварталов, а территория Немецкого кладбища, зафиксированная на листе 4 (участок № 159), подписана и ограничена 2-м правым проездом и 3-й улицей Марьиной рощи (рис. 5).

Используя эти указания, авторы статьи в мае 2000 г. предприняли поиски места кладбища иностранцев²³. Участок бывшего кладбища оказался в окружении домов постройки 50–70-х гг. XX в. На самом же месте кладбища к 10-летию Октябрьской революции было построено здание техникума — ныне Технический колледж им. летчика И.Ф. Павлова (рис. 6–7). При осмотре территории, прилегающей к этому учебному заведению, были найдены небольшие куски белого камня, носящие следы обработки и, возможно, являющиеся фрагментами надгробий.

Внешний вид кладбища

Судя по сохранившимся описаниям, во второй половине XIX в. кладбище имело форму неправильного прямоугольника, ориентированного по сторонам света, с размерами сторон 150 x 90 аршин (около 107 x 64 м). Его площадь составляла не более десятины земли или, точнее, около 0,07 га²⁴. Благодаря усилиям объединенной ко-

²² Саладин А.Т. Очерки... С. 23.

²³ В поисках кладбища принимали участие школьники — участники археологической студии «Вышгород», действующей при Детско-юношеском центре «Войковский» (руководитель — А.Г. Авдеев), работавшие над программой «Московский некрополь».

миссии приходов лютеранских церквей кладбище по периметру было окопано невысоким валом. К началу XX в., а, может быть, и несколько раньше вал был скрыт, так как, по словам А.Т. Саладина, «площадь кладбища ничем не огорожена, она поросла редкой выжженной солнцем и затоптанной травой»²⁵.

Точное число захоронений, произведенных на кладбище в Марьиной роше, неизвестно, так как, начиная с последней четверти XVIII в., находившиеся здесь надгробия постоянно расхищались, и к нашему времени их не уцелело ни одного. Да и количество надгробий по той же самой причине исследователи называли разное. Так, В. Остроухов в 1893 г. видел здесь 20 надгробий²⁶, а В. Саитов в 1916 г. насчитывал их около 50²⁷. Последнее — судя по количеству имен погребенных²⁸ — видимо, соответствует действительности.

Анализ имен, сохранившихся на надгробиях, показывает, что захоронения на кладбище в Марьиной роше совершались на родовых участках — как это было в обычае и при кирхе св. архангела Михаила²⁹. Таких участков было, как минимум, пять — Флюверков, фон Дельденов, Росвормов, Марсовых и Келдерманов. На отдельном участке имелись захоронения священнослужителей, что также существовало и при кирхе св. архангела Михаила³⁰.

Надгробные памятники

Ни один из надгробных памятников кладбища в Марьиной роше до нас не дошел. Часть их «перекочевала» на Лазаревское кладбище, где была использована под новые надгробия³¹, часть — вплоть

²⁴ *Fechner A.W. Chronik... S. 683–684; Остроухов В. Московское... С. 6–7. Прим 2.*

²⁵ *Саладин А.Т. Очерки... С. 23.*

²⁶ *Остроухов В. Московское... С. 6–7. Прим 2.*

²⁷ *Саитов В.И. Московский некрополь... С. IX.*

²⁸ См. Приложение 1.

²⁹ *Корб И. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Рождение империи. М., 1997. С. 148.*

³⁰ *Корб И. Дневник... С. 148.*

до начала XX в. растаскивалась на хозяйственные нужды местными жителями³².

Описания внешнего вида надгробий даны В. Остроуховым: «Около 20 больших надгробных плит из известняка не менее 3 аршин в длину и 1 в ширину. Нижняя часть уже верхней. Верхняя сторона закруглена. Почти на всех плитах надписи значительно попорченные. По краям плиты иногда украшены виньетами»³³. Почти в тех же словах описывал надгробия кладбища в Марьиной роще А.Т. Саладин: «По форме почти все плиты этого кладбища одинаковы. Продолговатые, массивные, из тесаного белого камня, они несколько расширяются в верхнем конце. Все надписи, в большинстве на немецком языке, глубоко врезаны в камень... Несколько надписей сделаны по латыни и одна по-славянски. Только на редких плитах есть скромный орнамент»³⁴.

Таким образом, наиболее распространенным типом надгробий кладбища в Марьиной роще были тесаные известняковые плиты длиной около 2,1 м и шириной около 0,7 м трапециевидной формы, расширяющиеся в верхней части. Верхняя часть надгробия была закруглена, нижняя — имела прямоугольную форму. Характерный для эпохи барокко резной растительный орнамент («виньеты») по краям надгробий встречался в виде исключения. Второй тип надгробий — в виде белокаменного саркофага — виден на гравюре XIX в., изображающей праздничное гуляние в Марьиной роще (рис. 2). В целом по форме и стилю эти надгробия могут принадлежать всему XVIII в. На этой же гравюре виден и третий тип надгробий — деревянный православный восьмиконечный крест с «крышей» высотой (насколько можно судить по изображению) около 2,5–3 метров.

Большинство сохранившихся эпитафий, как и указывали исследователи XIX в., выполнено на немецком языке. Одна эпитафия (№ 30), возможно, была на французском языке. На латинском языке написаны только четыре эпитафии (№ 23, 25, 27, 28). Одна эпита-

³¹ Так, В. Остроухов отмечал, что «самая древняя форма надгробий с Лазарева кладбища сходна с камнями с немецкого кладбища» (Московское... С. 123).

³² Саладин А.Т. Очерки... С. 23.

³³ Остроухов В. Московское... С. 6–7. Прим 2.

³⁴ Саладин А.Т. Очерки... С. 24–25.

фия (№ 5) состоит из двух частей: первая – на немецком языке – сообщает «анкетные» данные об умершем; вторая – на латинском – о роде его занятий, датах рождения и смерти. Тем не менее, можно отметить включения отдельных латинских слов. К таковым можно отнести: «anno» – «в лето», обычно писавшееся полностью или сокращенно (№ 1, 2, 4, 6, 9, 10, 15, 18), иногда – названия месяцев (№ 22). Видимо, латинское слово «anno» стояло и в эпитафии № 14 – благодаря плохой сохранности надписи, оно было принято А.В. Фехнером за имя собственное «Анна».

Формулы немецкоязычных надгробий второй половины XVII – начала XVIII в. однотипны и встречаются на аналогичных надгробиях Москвы, начиная с XVI в. Укажем наиболее распространенные из них:

- in Gott... entschlaffen (почил в Бозе) – № 2 (1675)³⁵;
- in God saligh <e>ntslapene (почивший в Бозе) – № 6 (1703)³⁶;
- hier leyt b<e>graven (здесь покоится) – № 6 (1703)³⁷.

Однако на надгробиях, начиная со второй половины 30-х гг. XVIII в. формулы уже иные:

- allhier ruhen (здесь покоятся) – № 19 (1754)³⁸;
- allhie ruhet in Gott (здесь покоится в Бозе) – № 10 (1737);
- allhier ruhet in Gott und erwartet seligen Auferstehung (здесь покоится в Бозе и ожидает воскресения души) – № 17 (1753);
- allhier begraben (sein) Leichnen (здесь было погребено его тело) – № 21 (1757);
- alhier in Moskau seelig (упокоилась в Москве) – № 16 (1753);
- hier ruhet in Gott (здесь покоится в Бозе) – № 20 (1756), 22 (1757–1759), 23 (1758);
- in der Merren entslaffen (почил в середине жизни) – № 11 (1739);
- mit dem Ewigen verwesselt (отошел в вечность) – № 21 (1757);

³⁵ Ср.: *Дрбоглав Д.А.* Камни рассказывают... Эпиграфические латинские памятники. XV – первая половина XVII в. (Москва, Серпухов, Астрахань). М., 1998. С. 33 (1536 г.).

³⁶ Ср.: *Дрбоглав Д.А.* Камни рассказывают... С. 52 (1592 г.).

³⁷ Ср.: *Дрбоглав Д.А.* Камни рассказывают... С. 38 (вторая половина XVI в.).

³⁸ Эта формула соответствует латинскому «hic jacet» на надгробии № 27 (1754–1761).

- das zeitliche mit dem Ewigen verwechselt (сменил временное на вечное) – № 17 (1753), 21 (1757);
- hier unter diesen Steine ruhen die entseelten Gebeine – № 18 (1754).

Последняя формула, правда, в ином варианте встречается на надгробиях XVI в.: *ungt ligt under diesen Sten begraven*³⁹.

Надгробия бедны крылатыми изречениями, посвященными извечным проблемам жизни и смерти. Дважды (№ 23, 28) встречается лишь латинское изречение «Memento mori» (помни о смерти) – первоначально приветствие, которым обменивались монахи ордена траппистов (основан в 1664 г.) при встрече, превратившееся в типичную для эпохи барокко формулу, напоминающую о неотвратимости смерти и скоротечности жизни⁴⁰. Единоразы встречена парафраза из кн. Премудрости Иисуса, сына Сирахова (38:22): «*Hodie mihi, cras tibi*» (сегодня мне, завтра – тебе)⁴¹; в полном виде эта фраза также звучит как напоминание о неизбежной смерти: «Вспоминай о судьбе моей, потому что она и твоя; мне вчера, а тебе сегодня». На одном надгробии процитирована книга Иова (14:14): «*Ich harre täglich, dieweil ich streite, bis dass meine Veränderung komme*» – «Во все дни определенного мне времени я ожидал бы, пока придет мне смена». Интересно, что цитата лишь частично совпадает с лютеровским переводом Библии, где она звучит так: «*Wird ein toter Mensch wieder leben? Alle Tage meines Streites wollte ich harren, bis daß meine Veränderung komme!*». Не исключено, что это – частичный пересказ, частичная цитата библейского текста, данная по памяти. Представляет интерес и игра слов на надгробии пастора Э. Глюка (нем. «счастливым»), где говорится о том, что «волей Божьей он был послан на счастье и несчастье в Россию» («*im Glück und unglücklich (und) glücklich von Gott lange vorher dem Russlande zgedacht*»).

Но наибольший интерес представляет недатированное надгробие Феодосия (№ 30) – очевидно, кальвинистского пастора или пропо-

³⁹ Ср.: *Дрбоглав Д.А.* Камни рассказывают... С. 36 (вторая половина XVI в.).

⁴⁰ *Бабичев Н.Т., Боровский Я.М.* Словарь латинских крылатых слов. М., 1982. С. 441–442.

⁴¹ *Бабичев Н.Т., Боровский Я.М.* Словарь... С. 316.

ведника, выполненное на латинском языке. Начинающееся заключительной формулой католической молитвы «Requiescat» — да упокоится в мире — типичной для западноевропейских надгробных памятников⁴², в заключительной части оно имеет гекзаметрическое двустишие:

*Sist(e) ergo, viator, // et aspice obii hic,
pius et senex pater // di(e) sexagenari(i) et quattuor
sequis postae*

(итак, остановись, путник, и посмотри: я умер здесь, — благочестивый и старый отец, проживший полных дней шестьдесят и 4 года). Мотив, типичный для древнеримской надгробной поэзии⁴³.

Социальный портрет» погребенных

По этническому составу подавляющее большинство захороненных на кладбище в Марьиной роше — выходцы из Германии. Особо отметим такие фамилии, как Росвормы (Росфурмы), находившиеся на русской службе с 1628 г., и фон Дельдены, начавшие службу в 1678 г.⁴⁴ Среди погребенных есть двое русских — супруги Карповы — видимо, принявшие лютеранство.

По-видимому, после закрытия кладбища у кирхи св. архангела Михаила некоторые родовые захоронения были перенесены в Марьину рошу. Со всей определенностью это можно сказать о захоронениях семейства Росвормов (Росфурмов). Первый представитель этого рода, Александр Росфурм, по-видимому, выходец из Голштинии, поступил на русскую службу еще в 1628 г.⁴⁵ Неудивительно, что старые захоронения, датируемые еще 60–70-ми гг. XVII в., потомки перенесли на новое место.

Два надгробия свидетельствуют, что на кладбище, видимо, находились и родовые участки двух широко известных в XVII в. родов московских торговых иноземцев Марсовых (№ 1) и Келлерманнов (Келдерманнов) (№ 8), перенесенные сюда, по-видимому, также из

⁴² Бабичев Т.Н., Боровский Я.М. Словарь... С. 687–688.

⁴³ Бабичев Т.Н., Боровский Я.М. Словарь... С. 16.

⁴⁴ Рождение империи. М., 1997. С. 447, 483.

⁴⁵ Рождение империи. М., 1997. С. 483.

некрополя при кирхе св. архангела Михаила. Основателем первого был Пантелей Иванов Марсов, упоминаемый в документах, начиная с 1600 г.⁴⁶ По-видимому, здесь был похоронен его малолетний правнук Германн – сын Иоганна (Ивана) Еремеева Марсова, упоминаемого в документах в 1626–1685 гг. Его основным занятием было предоставление кредитов русским купцам, а также закупка необходимых для казны товаров за границей⁴⁷. Возможно, на кладбище в Марьиной роше были похоронены и другие представители рода Марсовых.

В отличие от Марсовых, Келдерманы были фамилией немногочисленной, но крепкой. Ее основатель Андрей Келдерман торговал за границей казенной пушниной, служил и выполнял дипломатические поручения. Его сын Томас Келдерман имел ту же сферу деятельности. Сын Томаса Генрих (в русскоязычных источниках – Андрей), похороненный на кладбище в Марьиной роше, в 1661 г. был отправлен отцом для обучения медицине в Западную Европу. Шесть лет он обучался в Лейпциге, три года – в Страсбурге, два года – в Париже и Монпелье, пять лет – в Падуанском университете. В 1677 г. Генрих Келдерман вернулся в Москву, был представлен царю Федору Алексеевичу и получил место медика в Аптекарском приказе⁴⁸.

Среди погребенных на кладбище в Марьиной роше наибольший след в истории оставили двое – француз Жан-Батист Тавернье (1605–1689) и саксонец Эрнст Глюк (1652 или 1655–1705). Известный ювелир, торговец бриллиантами и неутомимый путешественник, Ж.-Б. Тавернье побывал при дворе Великих Моголов в Индии, посетил Армению, Персию и добрался до Явы⁴⁹. Он был первым, кто поведал европейцам о несметных сокровищах Агры (в том числе и о знаменитом бриллианте «Великий Могол») и алмаз-

⁴⁶ Демкин А.В. Западноевропейские купцы и их приказчики в России в XVII в. М., 1992. С. 52. № 76.

⁴⁷ Демкин А.В. Западноевропейские... С. 7, 52. № 82.

⁴⁸ Евгений, митр. Словарь... С. 279–281; Демкин А.В. Западноевропейские... С. 6–8.

⁴⁹ См.: Les six voyages de Jean Baptiste Tavernier, Ecuier Baron d'Aubonne en Turquie, en Perse et aux Indes. Vol. I–II. Paris, 1676.

ных копиях Голконды. Разбогатев на торговле бриллиантами⁵⁰, в 1670 г. Ж.-Б. Тавернье купил имение под Женовой и титул барона д'Обонна. Во время последнего путешествия в Персию престарелый барон скончался в Москве. Пастор Эрнст Глюк – воспитатель Маргариты Скавронской, будущей императрицы Екатерины I. В 1703 г. он был назначен директором первой школы в Москве, располагавшейся на Покровке. Для обучавшихся в ней дворянских недорослей составил славно-латинско-греческий словарь и учебники по географии и русской грамматике⁵¹. Интересна характеристика, данная пастору Глюку секретарем прусского посольства И.-Г. Фоккеродтом: «Этот человек, имевший не больше сведений, сколько обыкновенно можно найти у шведского деревенского пастора, но со всем тем по знанию русского языка считавшийся в глазах Петра I светилом мира, был по своим воззрениям не в состоянии подать ему никакой другой мысли, кроме той только, чтобы завести такие же училища, какие обыкновенны в Ливонии, и дети там должны учиться катехизису, латинскому языку и другим школьным предметам»⁵².

Что же до социального состава погребенных, то они относятся к следующим категориям:

- лица духовного звания,
- купцы и их дети,
- офицеры и члены их семей,
- военные врачи,
- гражданские врачи и члены их семей.

Существующих сведений явно недостаточно для статистического анализа, но они достаточно красноречиво очерчивают те виды деятельности, на которых обычно подвизались в России приезжие иноземцы.

⁵⁰ Вплоть до конца XIX в. при оценке алмазов ювелиры пользовались «правилом Тавернье»: стоимость алмаза массой более 1 карата измерялась как произведение массы алмаза в каратах на принятую цену 1 карата алмазов данного сорта.

⁵¹ См.: *Моисеева Г.Н.* Глюк Эрнст // Словарь русских писателей XVIII в. Вып. 1. А – И. Л., 1988. С. 198–199.

⁵² *Фоккеродт И.-Г.* Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 92.